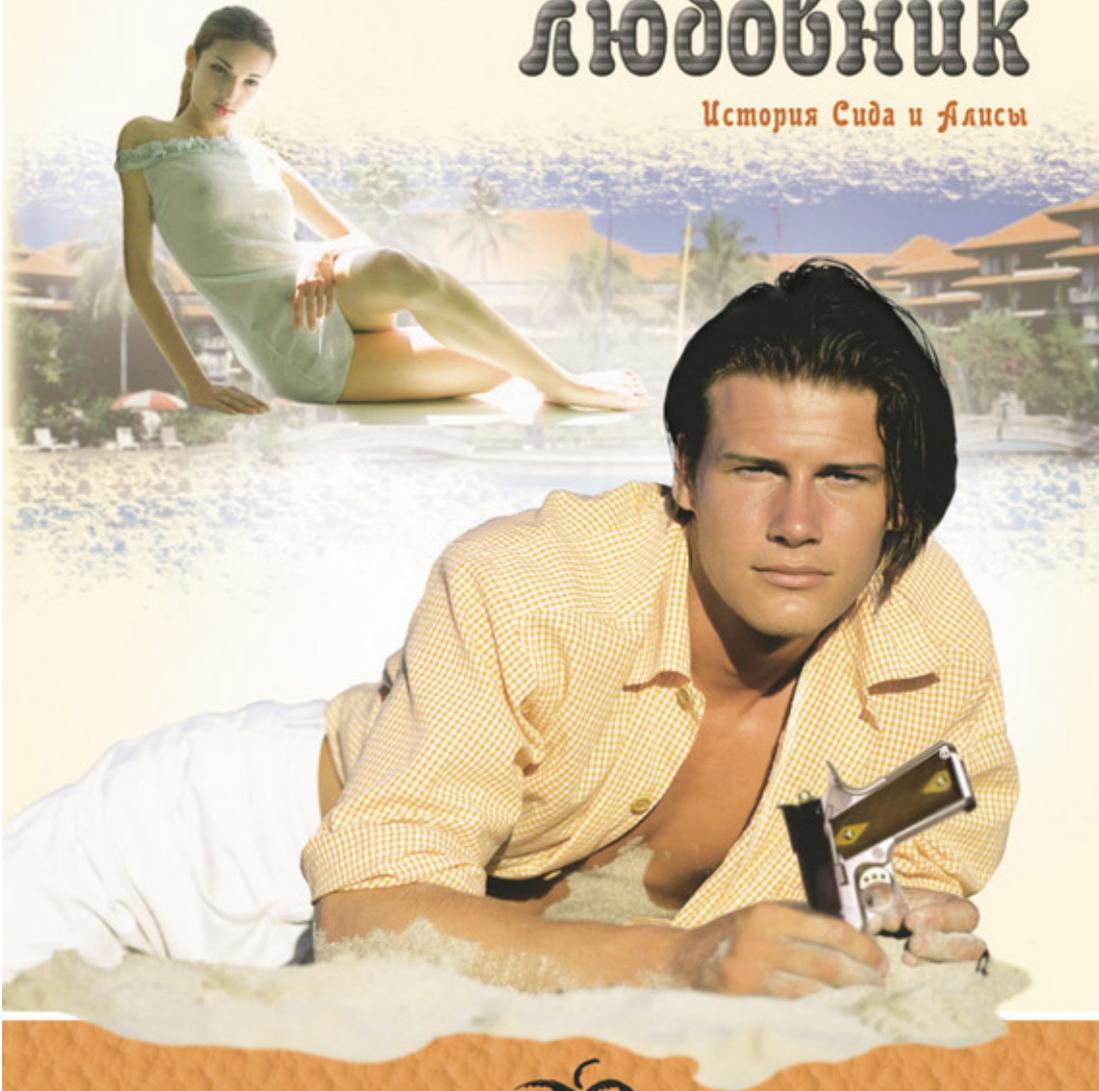

Эрмес Леал

Я - грозный любовник

История Сиды и Алисы

Бразильские

ночи

Эрмес Леал

Я – грозный любовник. История Сида и Алисы

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166687

Аннотация

В романе Эрмеса Леала, как и в жизни, веселое соседствует с трагическим. История Сида и Алисы в чем-то повторяет (в современном бразильском варианте) историю Ромео и Джульетты.

Казалось бы, все идет своим чередом – тусовки, танцы, драки и наркотики, любовь и секс... Но вот обычное вроде бы происшествие – главный герой Сид лишил свою возлюбленную девственности – и жизнь Сида, такая веселая и многообещающая, рушится с роковой неотвратимостью.

Содержание

1	4
2	8
3	10
4	14
5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эрмес Леал

Я – грозный любовник. История Сида и Алисы

1

Шум такой, что пусти я себе пулю в лоб – никто и не услышит.

Работать здесь – сущее наказание. Дышать невозможно. С самого утра мечтаю я подышать свежим воздухом, да где же его возьмешь, когда трубы целый день дымят? А поблизости еще и речонка гнилая течет, и грузовики с обильным выхлопом снуют по двенадцати полосам проспекта Виа-Маржинал... вонь стоит такая, будто кит напугал. Кит ведь пукает, правда? Он же млекопитающее, так? Значит, пукает! Наверно, всплывает на поверхность воды множество пузырьков, которые взрываются в воздухе, точно новогодний фейерверк.

Оживленное тут место. Все двигается. А я сижу, как пришитый, на работе – в видеопрокате, что на автозаправочной станции, черт ее дери. Эта станция – ни дать ни взять нацистский концлагерь, видеопрокат – газовая камера, а я – ее невинная жертва. Если задержусь тут надолго – подохну мучительной смертью. Я всегда боялся загнуться от удушья. И теперь боюсь. Не считал, но когда-нибудь посчитаю, сколько в час проезжает передо мной автобусов, грузовиков и легковушек, да еще с таким шумом, что с ума сойти можно. Как будто Виа-Маржинал – это катальная горка чудовищных размеров. Когда я тут трахаю девчонку – дверь не закрываю, чтобы никто не догадался – ей страшно.

Поскольку без кислорода мне пока что не обойтись, приходится дышать ртом, чтобы не чувствовать этой вони, но при этом кажется, что рот набит дерьмом. Слюна отдает палеными крышками и вкусом вчерашних поцелуев. Меня тошнит, да куда деваться – нельзя же все время дышать ртом! Через нос вонища проникает до самого желудка. Хочешь – не хочешь, а приходится от нее избавляться. Когда я пукаю дома или в комнате у Мальро – все жалуются, что я воздух испортил. Я говорю, что дело не во мне, а в гнилой речке и в выхлопном газе с проспекта Виа-Маржинал. Вонь из меня выходит такая, что в доме у Мальро дохнут все блохи.

На работе что пукай, что не пукай – один черт. Ни звука не слышно, ни запаха не чувствуется.

Как же я к этой гадости притерпелся? Хреново здесь! Но это ненадолго. Когда-нибудь брошу все и отправлюсь покорять мир – и плевать мне на всех! По правде говоря, лучше было бы здесь не проявляться и целый день ни фига не делать. А так сижу я в этой дыре с утра до вечера один да обслуживаю посетителей. На станции продают бензин, спирт и дизельное топливо. Асфальт перед нею весь в колдобинах. Фасадом она выходит на проспект Виа-Маржинал, а задворками на жилой массив. И там, и там хреново. И от шоферни, и от местных жителей одинаково воняет. Дальнобойщики заходят только для того, чтобы поглазеть на похабные фотки на коробках от видеофильмов или даже взять с собой. Я им тут же вырезаю. Не люблю грубиянов, тупиц, от которых несет старой крышкой. Не люблю посторонних. Мне бы устроиться куда-нибудь подальше от хозяина да поближе к девчонкам, потому что без них я – никто, я – не Сид.

Прежде чем знакомиться со мной, познакомьтесь с моими посетителями, если сейчас кто-нибудь завалится в эту поганую дыру. Рожи у них веселые, у одних наглые, у других смущенные, а у большинства порочные. Входя, они орут во всю глотку, чтобы мне было слышно среди такого шума. Все так загазовано, что лучше не курить, а то взорвешься к чер-

ням собачьим. А здорово будет, если все взорвется! Пожарные наедут, повалит дым столбом, народ высыплет на улицу, телевизионщики притащатся... Покажут все по телику, а я буду спокойно глядеть да радоваться.

Ни дня больше не хочу барахтаться в этом дерьме. Мне восемнадцать лет, и помирать мне не охота лет, по крайней мере, до двадцати. Но раз уж я взялся рассказывать свою историю, то изложу все по порядку. Мне еще много чего надо успеть. Девочек тут тусуется много – толстенные, смугленькие, рот нараспашку, у одних ножки волосатенькие, у других бритые – в общем, на любой вкус, трахай – не хочу. Выберусь отсюда и подцеплю себе бабенку.

У нескончаемого шума, из-за которого пулю в лоб хочется пустить, есть, правда, одно преимущество. Когда этот придурок Жоржи сердится на меня и орет, что я хреново обслуживаю посетителей, мне ничего не слышать. Вижу, что он бранится, ищет повсюду окурки, грозит, что заявит в полицию – зато ничего не слышу. А иначе ни за какие коврижки не стал бы тут вкалывать. Когда-нибудь я с ним поквитаюсь. Убью гада.

Жоржи – хозяин этого долбанного пункта проката. Подонок, каких мало. На дух его не переношу. Мне на такую работу хрен положить, да хозяин не отпускает. Врезать бы ему по морде! Он держит свой пункт проката только затем, чтобы заманивать посетителей определенного склада. Поэтому, выходя, я оставил дверь открытой, чтобы все видели, что за ней делается, и предупредил Тонью – низенького усача родом из Мараньяна – что пошел в бар кофе пить. Мне нужно была избавиться от мерзкого вкуса во рту.

Войдя в бар, я направился прямо в туалет. Посмотрелся в зеркало. До чего хотелось убраться подальше от этого гребаного проспекта Виа-Маржинал! Вода в раковине оказалась вонючая, точно из гниловатой речки Тьете, и в ней копошилось что-то похожее на рыбешку, тоже вонючую и отвратного цвета. Я причесался, взглянул на собственные зубы и вышел из туалета.

Подойдя к стойке, я спросил сигарет, кофе и чаю. Принялся глазеть на улицу, где могло произойти что-нибудь интересное. В любой момент может подвернуться клевая телка! Кофе я не пью – только чай. Кофе никогда мне не нравился. Так я и не притронулся к чашке с черной, тепловатой, подслащенной жидкостью. Я снова взглянул на пункт проката и увидел, что к нему приближается знакомая девчонка по имени Сузи – хорошо сложенная, худенькая, среднего росточка, с хорошенькой попкой. Ее-то мне и предстоит покорить. Наверняка она сдастся.

Сузи шла нога за ногу, словно разомлевшая от жары собака, которой лень даже зевнуть. Я решил подождать, пока она поравняется со мной. Выпил чаю, чтобы промочить глотку, закурил сигарету и принялся ждать.

Издали я следил взглядом за Сузи. Одним глотком выпил этот чертов чай, обжигая горло. Решил выйти, когда она окажется у дверей. Руководствовался я не столько разумом, сколько интуицией. Когда речь идет о женщине, я мигом избавляюсь от всех комплексов. Бабы от меня не шарахаются. Так что бояться нечего. Они всегда ожидают наслаждения. Ждут вас или меня. Меня меньше всего заботит, что ощущают женщины – хорошо им или плохо. Я думаю только о себе. Иначе не умею.

Она прошла, не заметив меня. Оно и к лучшему – пойду за ней да полюбуюсь на ее попку. Продолжая свой путь, она и не заметит, что я на нее пялюсь. Поначалу мне это удалось. Но стоило мне пройти десяток шагов, как она обернулась, увидела меня и заговорила, улыбаясь уголком рта:

– Привет, Сид.

– Привет, Сузи, – отозвался я.

Я подошел поближе. Этого она и ждала. Она была симпатичная, приветливая и в то же время слегка замкнутая. Меня-то она знает.

Возвращаясь из супермаркета, она тащила два больших нагруженных доверху, но явно не тяжелых пакета.

– Давай я тебе мешки донесу.

– Спасибо, не надо.

– Я серьезно. Дай помогу.

– Да они не тяжелые. Но все равно спасибо.

– Давненько ты не появлялась. Ни в пункте проката, ни в фургоне. Куда ты пропала? Я по тебе скучал, понимаешь? Все спрашиваю ребят: «А где Сузи? А где Сузи?».

– Врешь ты все.

– И подруг твоих спрашиваю. Серьезно.

– Ты же знаешь, почему я больше не хожу на танцульки.

– Знаю. И все равно глупо не ходить. Хочу, чтобы ты ходила вместе со мной. Ты мне нравишься. Серьезно.

– Не сидится тебе на месте, Сид.

Она дала мне один пакет. Я даже не взглянул на пункт проката, чтобы увидеть, не следит ли за мной Жоржи.

– Сходим куда-нибудь сегодня?

– Нет, Сид.

– Может, пивка попьем, завалимся к Мальро?

– Я не пью.

– Ах да, я и забыл...

Я не отставал. Дело того стоило. Мне всегда хотелось сходить куда-нибудь с Сузи, но это никогда не удавалось. Она всюду бывала с очередным дружкой. Когда роман у нее кончался, я всегда запаздывал. Она считала, что я слишком молод для нее.

– Ну, тогда в субботу. Завтра я ничем не занят и весь в твоём распоряжении. Сходим завтра?

– Завтра у меня свадьба.

– Ну, перед свадьбой.

– Перед свадьбой мне надо привести себя в порядок, сделать причёску, надеть подвенечное платье. А вот и мой автобус. Спасибо, что помог.

– Увидимся завтра на свадьбе.

– Ладно. Очень мило с твоей стороны.

– Не понять нам друг друга...

Разговаривая со мной, она всегда улыбалась. За дурачка меня держала. Всерьёз не принимала. Ну, выходит она замуж – и ладно. Мне-то что? Вообще-то плохо, когда девчонка выходит замуж. Будет спать только с одним парнем. Даже если бы она вышла замуж за меня, мне бы это не понравилось. Мне и двадцати лет еще не стукнуло, а раньше сорока я не женюсь. Честное слово.

Нужно было возвращаться на работу, чтобы Жоржи не возникал. Придется его терпеть, пока не научусь чему-нибудь другому. Раньше я занимался серфингом, да бросил раньше времени. На скейте тоже неплохо катаюсь. Но тоже бросил. Чего мне надо – так это трахать девчонок и копить деньги на машину. Куплю – и перестану зависеть от друзей или от отца. Но это пока что в проекте. Главное – девок трахать. Завтра или послезавтра натяну Сузи – что тут плохого?

На автобусной остановке я увидел знакомых ребят и готов был забыть про Сузи, когда она вошла в автобус, устроилась на сиденье и помахала мне на прощание ручкой. Успею еще ее натянуть. Я-то знаю, что если эти ребята собрались вместе – значит, собрались весело провести время.

Я поглядел на пункт проката, потом на ребят. Повернувшись спиной к проспекту Виа-Маржинбл, ткнул пальцем по направлению к пункту проката и процедил:

– Пошли вы все в задницу!

Я хоть и понимал, что не получил отставки от Сузи – все упиралось лишь в то, что завтра у нее свадьба – однако с отказом примириться было трудновато. На душе было хреново. Надо бы покурить и успокоиться.

Скоро Сид опять будет на взлете. И телку клевою подцепит.

2

Домой я вернулся часов в десять вечера. Хоть и потусовался с приятелями, но на душе было паршиво. В таких случаях мне ничего не хочется. Поэтому никто мной не интересуется, а девчонки сторонятся меня.

Отец с матерью то ли спали, то ли ушли куда-то. Я уселся на диван в большой комнате. До меня донесся шум из сестриной комнаты. С дружкой трахается, паршивка! Я врубил телевизор на всю катушку, чтобы не слышать их. Но она меня достала своими воплями да стонами, когда кончала. Это меня возбудило. Как всегда в таких случаях, член у меня тут же встал, как лом. Плохо только, что возбудила меня собственная сестра. Возбуждаться от сестры – последнее дело. Один мой приятель уже успел переспать со своей сестрой. Скотина он, больше никто. Уж лучше натянуть чужую сестру, чем свою.

Мне захотелось выйти и проветриться. А то голова уже пухнет.

Подойдя к дому Мальро, я позвонил в звонок. Никакого ответа. Ушел, не дождавшись меня, сукин сын... а может, он все еще в школе? В большой комнате горел свет. Видимо, кто-то смотрел телевизор. Я закурил сигарету и снова позвонил. Было еще рано, и я боялся кого-нибудь побеспокоить. Повернув дверную ручку, я убедился, что дверь не заперта. Она все время открыта, потому что всегда кто-нибудь дома – либо хозяева, либо посторонние. Хоть входную дверь надо было запирать – но никто не запирает. В таком доме и жить-то опасно. Почему никто дверь не запирает? Любому злоумышленнику войти – раз плюнуть.

Я вошел и громко позвал Мальро. Отец у него журналист и поэт. Мать – учительница истории. Оба обожают рассказывать мне всякие заумные вещи. Мальро терпеть не может, когда они сидят в компании друзей и курят без передыху. Другой такой семьи, наверно, нет.

Впрочем, у них я чувствовал себя как дома. Даже лучше, чем дома. Я продолжал звать Мальро, но безрезультатно. Запах дыма от недавно выкуренных сигарет в большой комнате немного успокоил меня. Мне бы хотелось тут жить. Я осмотрел его комнату, спальню родителей и сестренки. Никого.

Распахнув холодильник, я взял баночку пива. На самом деле я не люблю пиво и вообще ничего спиртного, но время от времени употребляю. Телевизор был включен, но почти без звука. Я прибавил громкости, открыл банку, закурил другую сигарету и, взяв дистанционное управление, развалился на диване, пытаюсь найти что-нибудь путное да скоротать время. На экране появилась аппетитная бабеночка в трусиках. Она мастурбировала и предлагала позвонить ей. Я заерзал в нетерпении. Возбуждился еще сильнее. Черт-те что!

Я взял телефон правой рукой и набрал номер, хоть и знал, что минута разговора стоит целое состояние. Потом переложил телефон в левую руку.

В трубке зазвучал голос рыжей красотки. Она описывала свою попу и сиськи и уверяла, что хочет мне отсосать. Меньше чем через минуту, когда она меня умоляла войти в нее, я – раз! – и кончил. И здорово сглупил, потому что разговор только еще начинался, а я все испортил. Кто оплатит счет – не знаю. Во всяком случае, не я. Все равно никто не догадается.

Поэтому я решил еще послушать потаскушки откровения. Сделал несколько звонков. На смену рыжей красотке появилась мулатка. Наговорила кучу непристойностей. Описала все, чем проститутка может заняться с клиентом. И тут меня прорвало:

– Ну ты, корова! Я тебя в задницу оттрахаю. Свинья грязная! Мне шлюху не надо, корова ты этакая. Я тебе в задницу вставлю, потаскуха, да послушаю, как ты заорешь. Я тебе в рот кончу так, что не проблюешься. Шлюха!

Я говорил так, будто они слышали. Когда одна блондиночка пообещала вылизать мне задницу, я так громко выругался, что наверняка разбудил соседей. Не сдержаться было.

Я неплохо оттянулся. Прошло уже минут двадцать. Здорово было! Тут я спохватился. Вдруг кто придет и застучает меня? Я отключил телефон и почувствовал, что явно перевозбудился. Надо хоть в себя прийти.

– Наверняка все эти шлюхи – уродины. Могу представить, какие у них рожи! Такой, наверно, мордovorот! Ну их на хрен, потаскух, – процедил я.

На кухне я взял еще баночку пива. Вернувшись в комнату, закурил еще одну сигарету. Дверь в спальню матери Мальро оказалась открытой. Меня разбирало любопытство, какая постель у этой бабищи? И я ничего не мог с собой поделаться!

Кажется, его мать никогда не стриглась и носила прозрачные индийские платья. Я уже знал, какого цвета все ее трусы. Они виднелись под платьем, туго обтягивая пышную попу. Вообще, в теле была эта тетя. Я бы ей вставил, да страшновато! Нет, не стану. А воображать могу все, что заблагорассудится. Ей-то и в голову такое не придет. Для нее это нелепость.

Я преспокойно вошел к ней в спальню. Воображал, что ложусь с нею, с мужем и Мальро и при этом курю и смотрю телевизор. Люди приходили и уходили, а они оставались в постели, словно на диване в большой комнате. Им-то что!

Я сел на кровать и включил телевизор. А вдруг кто-нибудь заявится? На тумбочке я заметил оставленные ею трусы. Искушение оказалось слишком велико. Я схватил кружевные трусики и поднес к носу, чтобы насладиться запахом. Причем совершенно машинально. Раньше я никогда такого не делал. А вдруг они грязные, и меня стошнит? Оказалось, что нет, трусики очень приятно пахли туалетным мылом. Закрыв глаза, я положил их себе на лицо. Какой запах! Я совсем обалдел и возбуждился. Бросил на кровать и кончил на ее трусики, будто последний дурак. Сто раз выкрикнул ее имя. Открыв глаза, схватил банку пива и выбежал из дома. Трусики захватил с собой, потому что они были все мокрые.

Шел я, не разбирая дороги. Иногда я думаю, что сделал много того, что делать нельзя. Да ведь глаза боятся, а руки делают. Я решил вернуться домой, пока кто-нибудь меня не разоблачил.

Сеструха моя все еще трахалась с дружкой. Наверно, уже второй и третий раз подряд. Да уж! Сегодня не мой день, не моя ночь.

На душе все еще было хреново. Вроде оттянулся, но все же было не по себе. Не того я хотел. Мне бы провести целую ночь с женщиной. А лучше – с двумя. Везде, всегда и во всем мне чудится секс. Когда говорю об этом с другими – убеждаюсь, что у них – то же самое.

Иногда мне кажется, что у меня должна быть только одна девушка, одна любимая. Потом я отвергаю эту мысль как нереальную. Не этого мне надо. Я уже влюблялся, и мне это не понравилось. Вернее, понравилось, но мне этого мало. Отымею девчонку – тут же тянет к ее подружкам. Так и должно быть. Баб надо трахать. Для того они и существуют. Мне и хочется их трахать. Трахать, трахать и трахать.

3

К свадьбам я равнодушен. Считаю, что глупо, когда двое принимают какие бы то ни было обязательства перед судьей или священником. Как будто в книжке или телесериале. По-моему, со свадьбой любовь кончается. Свадьба сильно напоминает гражданскую панихиду. Иногда мне охота завалиться туда, где совершаются подобные церемонии, чтобы увидеть эти радостные или скорбные лица, в зависимости от того, где эти церемонии совершаются – в церкви или в траурном зале при кладбище. В траурных залах толпа элегантно одетых людей пялится на того, кто растянулся в гробу. Я бы с интересом зашел и посмотрел, если, конечно, покойник не имел бы ко мне никакого отношения. Как-нибудь завалюсь на панихиду с друзьями да устрою там переполох. Раньше мне такой возможности не представлялось. А свадьба, по-моему – штука нудная. Так чего мне зря время терять на такое дерьмо? Надо не глазеть, а действовать – вдруг повезет! Я-то себя знаю.

Но сейчас у меня появился повод присутствовать на свадьбе.

Речь идет о финале романа Сузи, поэтому прийти имеет смысл. Со мной Мальро и Банан – так что если что случится, я не один. Мы покурили травки, прежде чем войти в помещение. Курение всегда сплавливает людей. У Банана были ушки на макушке, он весь раздумялся, издали пялился на девчонок, но не решался поздороваться ни с одной. Он в принципе парень неплохой, но все время оставаться с ним у меня не хватало терпения. Такое впечатление, что он высасывает жизненные силы у того, кто оказывается поблизости.

Я отправился на поиски того, кто заинтересовал бы меня среди незнакомых людей, парившихся в вечерних костюмах и нарядных платьях под нестерпимым солнцем.

Сузи походила на куклу Барби. Я и не предполагал, что она может так прекрасно выглядеть в подвенечном платье, окруженная улыбающимися людьми. Артистка, да и только. Все у нее получилось, как она хотела – точно в книге или в театре. Волосы у нее светлые, но в облике ощущалось нечто восточное – ведь отец у нее китаец, а мать – немочка из Сан-Паулу. Вечно ее окружали выходцы из Китая и голубоглазые блондины с юга Бразилии. Удивительную смесь являла собой Сузи!

«Я бы на такой женился», – подумал я. Во мне тоже есть нечто от артиста. Артистизм очень красил Сузи. Восточная примесь – тоже. Я бы женился на ней хотя бы ради медового месяца.

Такой союз людей разных рас представлялся мне экстравагантным. Восточные люди довольно замкнуты. В школе мне понравилась одна девчонка из их среды, куда я попробовал проникнуть, но принят был крайне недружелюбно. Чужих они не жалуют и в свои тайны не посвящают. Лопочут что-то по-своему – ни хрена не поймешь. Должно быть, они обожают Бразилию. Я пялился на них – в первую очередь на девчонок. Правда, тощие они какие-то. Болтают только друг с дружкой. Подцепить, что ли, какую-нибудь? А чем черт не шутит? Надо попробовать.

Я обводил взглядом алтарь, убранный цветами и пальмовыми листьями. Перед алтарем стояла Сузи – на голову выше всех, кто топтался вокруг нее на лужайке и глядел на нее, задрав голову и вытянув шею. Несколько взглядов упало и на меня. Видно, кого-то разбирало любопытство, кто я такой. А действительно, кто я такой?

Я совсем не такой, как они. Так, по крайней мере, кажется.

Я посмотрел на женщину, одетую, как монахиня – белая блузка, черная юбка – которая сидела за органом и ожидала, когда закончится обручение и ворвется гомонящая толпа. Мать твою так! Я уж лучше смоюсь. Что у меня с ними общего? Завалюсь лучше к Мальро да послушаю классику. У его отца клевые диски, которые я обожаю слушать. А дома у меня рок и Боб Марли. Я появился на свет под звуки дисков, которые у Мальро-отца. От «Лед Зеппе-

лин» до Кинга Кримсона. Чуть не забыл про «Пинк Флойд». Я и теперь от них тащусь. Из новых групп люблю только «Нирвану». От нее вообще балдею. Еще обожаю «Сепультуру». А есть еще «Рамонес», но мне не нравится. А ведь они будут играть здесь, на свадьбе у Сузи. Она любит рок на тусовках. Представьте, как группа «Рамонес будет играть на танцах для этих придурков, белобрысых и узкоглазых! С ума сойти можно. Вот бы это все заснять!

Церемония, кажется, завершилась. Все выстроились в очередь, чтобы пожать руку Сузи, и я примазался к ним. Мне, однако, хотелось поцеловать невесту в губы при всем честном народе – но так, чтобы никто не заметил. Когда подошел мой черед, я даже не взглянул на жениха. Я сжал ей руки и чмокнул в щеку, представляя, что целую ее груди, на которые при этом пялился. Потом отошел в сторонку. Должно быть, все парни представляли то же самое, видя то, что увидел я. Всякий нормальный мужик это представит при виде таких пышных, жарких и аппетитных грудей. Кроме того, невеста – это женщина, в любой момент готовая к совокуплению. Моя мать всегда это говорит. Мне хотелось продолжить, да все на меня глазели, и отведенное мне время закончилось очень быстро.

Все это было страшной чушью – инсценировкой секса. Приятнее всего знать, что невесту натянут сразу после бракосочетания. Дорого бы я дал, чтобы увидеть, как мужчины признаются в этом своим женам. Когда женщина облачается в свадебный наряд, она дает понять, что готова вступить с интимную связь – своеобразный пролог к соитию. Это все равно что сказать: «Оттрахайте меня – я к вашим услугам». Все знают, что они начнут трахаться, как только гости уберутся. Сразу после свадьбы начинается секс. И это всегда так. Но говорить вслух об этом не принято. Лицемеры! Вот почему я не женюсь. Я хочу невесту. Она станет моей – это не составит труда.

Люди много думают о сексе. Я, наверно, думаю больше, чем другие, и потому всячески избегаю об этом говорить. Свои отношения с девчонками тоже предпочитаю не обсуждать ни с кем. И не говорю, скольких уже поимел. Это все Мальро, Урод и Жердяй подсчитывают, сколько баб они заклеили и сколько я. А какое им дело до меня?

Итак, я отошел от Сузи, вокруг которой толпилось множество народу. Щелкали фотоаппаратами, рассыпались в любезностях и в глубине души желали снять с нее платье и увидеть в одних трусиках и лифчике, которые, должно быть, совсем новенькие и белоснежные. Мне взгрустнулось из-за неосуществимости собственных намерений. Я хотел трахнуть эту невесту. Она могла бы стать моей только сегодня. Я бы ее похитил, если бы мог. Или купил. Вот именно. Пришел бы к отцу и назначил цену, как эти козлы в мексиканских сериалах, когда хотят женщину, которая их отвергает. С другой стороны, если разобраться, то покупать живого человека – это бред. Но вообще это довольно романтично. Но дорого. А денег у меня нет. Лучше уж похитить. И изнасиловать. Без лишних разговоров.

Иногда мне случается приврать, но именно сейчас я говорю чистую правду – можете поверить. Я уж решил, что все кончено, как вдруг заметил, что на меня уставилась незнакомая девчонка, стоявшая рядом с Сузиными родичами. Мелочь – а приятно! На тебя обратили внимание среди такой толпы, хотя бы на тысячную долю секунды! Я не выдержал и выпалил:

– Черт побери! Видали? Ну просто вылитая Сузи! Ее что, клонировали? А я и не знал!

Я сказал, обращаясь к Мальро и Банану, но те, как всегда, ни хрена не поняли. Пришлось им объяснять. Те принялись озираться по сторонам.

– Где?

– Ты о ком?

Действительно, девчонка была настоящей копией Сузи и все время терлась подле нее. Эта принцесса, впрочем, казалась помладше. Стояла и улыбалась. Глаза у нее были то ли голубые, то ли зеленоватые – не помню: глаза меня меньше всего интересуют. Ногти выкрашены черным лаком – вот это я заметил. Платье на ней было белое, и она тоже казалась невестой – только в миниатюре. Такие девчонки вообще-то мне не нравились. Но, как говорится,

нищему да вору все впору. И вместо Сузи я решил попользоваться ее сестренкой. Вроде она говорила, что у нее есть сестра и брат.

Я отбросил всякую робость и нерешительность. Подозвал Мальро, поделился с ним планами, и мы оба подошли к ней. Я постарался встать к ней лицом. Когда она, наконец, на меня посмотрела и улыбнулась в ответ, я заметил, что кому-то это не понравилось, да было уже поздно. Сид победил!

Когда я уже раскрыл рот и собирался что-то произнести, Сузи протолкалась сквозь толпу и сказала:

– Сид, оставь в покое мою сестру.

– Твою сестру? Это твоя сестра?

– По лицу, что ли, не видно, что сестра? Или не помнишь? Вот и оставь ее в покое, – отрезала Сузи.

Ей действительно хотелось, чтоб ее сестра держалась от меня подальше.

– Но почему?

– Ты еще спрашиваешь? Ты же бабник, каких свет не производил!

– Ну и что?

– А то, что моя сестра заслуживает лучшей участи. Она же совсем девочка, ей только шестнадцать стукнуло. Она не для тебя. Так и знай.

Девочка глядела на Сузи. Ей льстило, что сестра за нее заступает. Она прекрасно понимала, в чем дело, и потому не проронила ни слова. Ушлая деваха! Нравится, когда из-за нее копыя ломают. Будем иметь в виду.

– Отвали, Сузи! Я просто подошел поздороваться. А впрочем, я с ней поболтаю. Ты-то все равно уже замужем. Так что тебе по-любому ничего не светит...

Не успела Сузи возразить, как к ней подошла целая толпа с поздравлениями. Подошел и муж. Я ведь так толком его и не разглядел. Спросите меня, какого цвета у него волосы и есть ли усы – не смогу ответить. Просто не удосужился рассмотреть. Ни его, ни Сузино отца – экстравагантного китайца с непроницаемым лицом и черной трубкой в зубах. На него мне тоже наплевать. Да и Сузина сестренка – ничего особенного. А может, я просто боялся растаять перед телкой, которую впервые вижу? Мальро мне уже не раз говорил, что я как увижу бабу, так сам не свой становлюсь. А при второй или третьей встрече все волнение как рукой снимает. С чего бы это?

Мальро и Банан наблюдали всю сцену. Их хлебом не корми – дай только поглазеть, как я перехожу к активным действиям. Я поглядел на них и дал понять, что от Сузиной сестренки не отступлюсь. К ним подошел и Сузин брат – парнишка лет пятнадцати. Но в отличие от Сузи, он предпочел не вмешиваться.

– Привет. Я Сид, друг Сузи. А тебя как зовут? – спросил я, пристально глядя ей в глаза.

– Как меня зовут?

– Ну да...

– Меня – Алиса.

– Алиса – это как в детской книжке.

– Вот так все и говорят.

– Я не то хотел сказать.

– А все-таки сказал.

– Я и забыл тебя. Это платье так тебя изменило? Вот я и не узнал. А теперь узнаю.

– Ничего-то ты не помнишь.

– А ты-то меня узнала?

– Ясно, узнала. Тебя тут все знают, – мне это очень польстило. – Ты уже со мной как-то разговаривал. Мы с Патрисией и Флавиной стояли у дверей школы, а ты с приятелями шел мимо. Правда, правда. Ты остановился поболтать с Флавией, и она нас с тобой познакомила.

– Точно! Ну и память! Ослеп я, что ли, раз тебя не узнал...

Я глядел на эту девчонку, одетую ангелочком, и был уверен, что никогда прежде ее не видел, хотя знал всех окрестных телок. Я стал будто пьяный, в голове мутилось. Иногда я думал, что мечтаю, когда думаю, или предаюсь мечтам, когда нужно бы думать головой.

Она совсем юная, только начинает взрослеть и сближаться с людьми, в том числе с мужчинами вроде меня. Грудки у нее маленькие, точь-в-точь два апельсинчика. Маленькие, но крепенькие. Они больше привлекали мое внимание, чем попка. Алиса заметила, что я рассматриваю ее груди. Я быстро поднял голову и посмотрел ей в глаза. Они были светлые, как у матери, но по-восточному слегка раскосые; при разговоре она покачивала головой – тоже по-восточному.

– Ты похожа на Сузи. Я с ней в одной школе учился. Она в первую смену, а я во вторую. Виделся с ней на уроках физкультуры. Она в моих дружков влюблялась, а в меня нет, потому что я в футбол плохо играл.

– Она мне другое говорила. Совсем наоборот. Она сказала, что ты за ней бегал и теперь еще бегаешь.

– Ни за кем я не бегаю. Дурак я, что ли? Видишь – мы с тобой говорим, а я тебя пальцем не тронул и не пытался поцеловать.

– И не тронешь. Тем более не поцелуешь.

Алиса отказала мне с улыбкой. Она была холодной и горячей одновременно. Неужели все целочки такие? Она мне понравилась. Чего хорошего в доступной женщине? Я поцеловал ее в щечку, почти в губы, и ощутил легкий вкус ее слюны. Как приятно! Еще несколько минут – и она стала бы моей. Но время мое вышло, да и день был не из легких...

И тут я передумал. Мне охота трахнуть настоящую бабу, а у этой молоко на губах не обсохло! Такие, как я, на дороге не валяются! Людям я нравлюсь. Друзей у меня много, девок тоже хоть отбавляй. Так что встречу сегодня еще не одну...

4

Когда посетителей не было, я оказывался полным хозяином в пункте проката. Жизнь моя сливалась с безумными фильмами, я полностью зависел от пленки, от коробки. Я прятался, чтобы никто меня не нашел. Поставив кассету, на несколько часов я становился загнивающим, полностью погруженным и в чужую, вымышленную, и в свою собственную жизнь. Фильм «Двери» почти стерся от нещадной эксплуатации. Я настолько вжился в виртуальную реальность, что уже не доставало сил отделаться от нее. Иногда хочется там и остаться – как, например, сегодня, после того как я посмотрел фильм Китаро. И плевать мне на все. Только бы никого не принесла нелегкая.

Я лежал на спине, пристроив голову там, где не так грязно. Пахнет чистым бензином. Если я задерживаюсь тут надолго, то к концу дня начинает болеть голова. По мне уже лучше дышать угольной пылью наверху.

Словно страус в дождливый день, я смутно ощущал какое-то беспокойство. Стал раздумывать о самом себе. Это было ужасно.

Ну что ж – на ошибках учатся.

Жоржи вошел в пункт проката и испугался, увидев меня. Я испугался еще больше. Увидав меня в таком положении, он стал принохиваться – не накурился ли я травки. Он один умел определять наркоту по запаху среди этой вонищи. Кабы чего учуял – хреновато бы мне пришлось

Если что – запрусь в туалете.

– Ну, ты даешь! Растянулся на полу, точно собака. А кассеты кто расставлять будет? – произнес этот подонок, глядя мне прямо в лицо и все еще принохиваясь. Меня так и подмывало ответить: сукин ты сын! Да где уж мне...

Я ответил:

– Сейчас расставлю. Только воздухом подышу.

– Воздух везде одинаковый – что внизу, что наверху.

– Нет, я прочел в журнале, или в газете, или в кино видел – не помню, что если человек дышит лежа, то не отравится. Так делают при пожаре. А тут то же самое.

– Врешь ты все.

– Смотри, прилавок какой грязный, коробки все черные от пыли, хоть с мылом мой. Это масло горелое с проспекта Виа-Маржинал. Сегодня протру – завтра все так же запачкается. Вот я и стараюсь не дышать загрязненным воздухом, от которого кассеты чернеют. Вот в чем все дело, – попытался объяснить я.

Жоржи повернул ко мне свою бульдожью морду и со свойственным ему цинизмом изрек, что пыль портит только коробки, а никак не кассеты. Так что все равно их надо вытирать.

Я встал, чтобы больше его не слушать.

Другого такого придурка, как Жоржи, свет не видывал. Родит же земля уродов! Он, кажется, никого не любит, даже своих родных – разве только мою сестру. Достает кассеты из коробок и оставляет где попало – они и пачкаются. Головки быстро выходят из строя, а посетители и не догадываются о причине. Этот сукин сын готов обмануть кого угодно, а еще – отыметь всех девчонок, которые сюда приходят. Чтоб он сдох! Когда-нибудь я его убью. Может, даже сегодня, если он догадается, что я покуриваю травку в пункте проката – обычно в туалете, чтобы никто не допер. Он-то знает – не раз заставлял меня за этим делом. Буду поступать, как моя сестра, которая обвела отца вокруг пальца. Отец заметил, что она курит в туалете, и принялся ждать, пока она выйдет, чтобы наподдать ей. А у нее как раз была менструация. Она вынула грязный тампон и плотно завернула в туалетную бумагу так,

что он стал похож на окуроч, и оставила на раковине, чтобы отец, когда войдет, решил, что это остатки наркоты и развернул пакет. Она вышла, а он вошел. Она задержалась у двери и услышала, что отец ругается на чем свет стоит. Он попался в ловушку. Когда до него дошло, он весь побагровел от ярости. Но со мной такое не пройдет. С Жоржи я буду действовать не так. Если он станет мне угрожать – убью, честное слово.

Сейчас он пересчитывает деньги в кассе и при этом все еще принюхивается, не попахивает ли травкой. Понимает, гад, почему я лежал, когда он вошел.

Видели бы вы, как он весь тает, когда в пункт проката заявляется девчонка! Он перещупал всех девок, которые тут работали. Они накатали кучу жалоб на него, а ему хоть бы что. Доказательств-то никаких! Поначалу он гладил их по головке. Со временем, осмелев, просил их приходить в облегчающих шортах или мини-юбках. Заставлял их подниматься по лестнице, чтобы доставать кассеты с антресолей или, наоборот, складывать их туда. Сидя за столом, он любовался их трусиками. Этот маньяк нанимал тех, кто помладше, чтобы поменьше платить и безбоязненно вытворять всякие непристойности. Когда девчонка поддавалась на уговоры, он ее подкупал. Одной рукой совал ей бумажку в пятьдесят реалов, а другой рукой лез под юбку. Сам-то я этого не видел, но слухом земля полнится. Одна знакомая девчонка рассказывала мне, что он хорошо заплатил ее подружке за то, что она дала ему понюхать свою киску. Запах его заводит, так что ей даже трусы снимать не пришлось. Он пообещал не трогать ее, а только слегка прикоснуться кончиком носа. Он добился своего, да и девчонка, похоже, внакладе не осталась. Линчевать бы этого охальника! Да вот никак его не застать с поличным, а многие и не подозревают, что он такими делами занимается.

Вот почему я здесь. Его все-таки прищучили, и пришлось ему с тех пор брать на работу только парней. Пока что я тут один, и мне не хватает помощника. Моя мать умоляла, чтобы я устроился на работу, потому что мне уже исполнилось восемнадцать, и что нужно порвать с дурной компанией. К матери я иногда прислушиваюсь. Сам бы я ни в жизнь сюда не пришел. Но поскольку Жоржи не так уж много времени проводит в пункте проката, я решил. Чего уж там!

Жоржи поднял глаза от кассы и поглядел на дверь, разинув рот.

Там замаячили силуэты двух девчонок. Они вошли в волчье логово, чтобы обменять кассеты и наполнить старому хрычу голову порочными фантазиями. Губы ему скривила улыбочка, когда он сквозь очки с толстенными линзами пялился на их едва обозначившиеся груди, слегка вырисовывающиеся из-под кофточек, забыв, что я здесь и все вижу. На одной из девчонок была кофта с откровенным, глубоким вырезом и нейлоновые шортики. Этот сукин сын пожирал глазами их ноги и попки, пускал слюни и был вне себя от счастья, когда девчонки, повернувшись к нему спиной и ничего не подозревая, выбирали кассеты на стойках. Я оставался верен себе. Не мое это дело. Если телки дадут слабину, я их тут же отымею. От бабы я никогда не отказывался. Я не дурак. Но только чтобы все по-хорошему. Чтобы не возникло никаких проблем. Это и бабам нравится.

В дверях появилась тень и раздался голос Мальро. Он-то и спас посетительниц от старого маньяка, который предпочел смыться. На людях он менялся до неузнаваемости. Тогда он – сама любезность, и никто не догадывается о его порочных наклонностях. Он тихонько вышел, и я ощутил полную свободу. Хоть и на время.

Мальро посмотрел на меня и мотнул головой в сторону девчонок. Я показал большим пальцем вниз, делая отрицательный жест. Тот возмущенно замахал руками. По правде говоря, не понравились мне эти телки. Ни кожи, ни рожи, да и дуры вдобавок. Разве что так – потрепаться. Вскоре они убралась, и Мальро подошел ко мне. Хотелось побыть одному, но...

– Слушай, чего скажу. Алиса идет на тусовку и приглашает всех. Одноклассников своих. Пойдешь? Брат ее тоже будет, помнишь? На свадьбе был.

– Да я его вроде знаю.

– Клевый чувак, тоже хочет потусоваться. Говорит, что она тебя ждет, – заговорщически произнес Мальро.

– Алиса – целка, Мальро. С нею лучше не связываться. Не хочу даром время терять

– Целка? А ты откуда знаешь?

– Сузи сказала.

– Напугать тебя, наверно, хотела.

– Да нет. Наверняка целка, по разговору видно. И потом, тощая она какая-то да и мордашка так себе. Мне такие не нравятся. Потом не отвяжешься. Ну ее. Если не будет ко мне клеиться – пойду. А будет – так не пойду.

– Может, просто дым в глаза пускает? Все так делают, – убеждал меня Мальро.

– Все, кроме моих родителей, дедушек, бабушек, дядьев и теток. Все дым пускают, кроме моих родных.

– Сид, мать твою так! Я о бабах говорю, заметь. А эту телку все хотят. Ты-то на свадьбе тоже к ней приставал. Все это видели.

Я взглянул на Мальро и убедился, что он прав. Дело в том, что я не спешу соглашаться с чужой точкой зрения, даже если она совпадает с моей. Чего хорошего в том, чтобы мыслить так, как все? Чем тогда мы будем друг от друга отличаться? Я ведь не говорил, что хочу Алису, потому что если уж хочу, то овладеваю, стремлюсь сломить чью-то волю, похищаю – и меньше всего меня интересует, хочет этого моя партнерша или нет. И вовсе она меня не возбуждала – во всяком случае, ничто не могло меня уверить в обратном. Я так думаю, хотя, быть может, ошибаюсь. Стоит мне возбудиться, и я тут же думаю, как реализовать желание. С ней я ни разу не пробовал, да и неохота. Но чего только в жизни не бывает, как не устают повторять моя мать.

– Сегодня-то я, конечно, думал об Алисе. Дай срок, Мальро. Сам не знаю, что со мной творится.

– О чем ты думаешь?

– Да ни о чем. Просто вспомнил. Только и всего.

Я не мог рассказать Мальро обо всем. В тот самый день я действительно положил глаз на Алису. Все разворачивалось постепенно, как в кино. Ей хотелось со мной трахнуть, и я попробовал воспользоваться моментом. Я притиснул ее в уголочке и засунул ей руку в трусы – такие же черные, как ее лак для ногтей – и поласкал киску. Стащив с нее трусы, я приник губами к щелочке – м-м-м! Раздевать ее не стал, а просто задрал длинное белое платье и не спеша вошел. «Ой, ой! Больно!» – пискнула она, а я тем временем кончил себе в кулак. Мне нетрудно было представить, какая у нее киска, потому что видел много таких. Затянувшись пару раз травкой, я увидел ее голенькой сквозь дым. Она похожа была на Мадонну, выходящую на эстраду. Повертев попкой, она сунула туда собственный палец. Я хотел ее, ясное дело – ее ведь все хотели. Она хорошенькая, не дает первому встречному-поперечному, и худенькая – натянуть ее легко. Такие телки с ума меня сводят – лучше об этом сейчас не вспоминать. И с Мальро лучше не обсуждать. А то член встанет – и придется бежать в туалет делать свое черное дело. Важно не переборщить. И мой, и его отец наверно делали это множество раз, думая, скорее всего, о наших матерях. Со мной такое может случиться раза два или три в сутки – в зависимости от того, сколько выпью и выкурю. Обычно я предпочитаю это делать с партнершей, но у меня осталась некоторая подростковая нервозность. Перестав думать о сексе, я обратился к Мальро:

– Слушай, Мальро! По-моему, Алиса слишком тощая. Не в моем она вкусе. Скорее, в твоём. Она в принципе ничего, но бывают гораздо лучше. Такой подружки мне не надо. Разве что так – на несколько раз, пока другую не найду. Таких телок, как Алиса, полно возле школы топчется. Бери – не хочу.

– Ну, ты даешь! Грозный же ты любовник! Она же от тебя тащится. Ты один этого не видишь. То, что она с самого начала тебя отбрила, еще ничего не значит. У тебя еще все впереди.

– Пошел ты на хрен с такими разговорами, блин!

– Сам пошел.

– Мне такие бабы на хрен не нужны. Сам будто не знаешь.

– Да даст она тебе! И брательник не против. Может, она к себе тебя пригласит. Пользуйся случаем!

Мальро носил бейсболку, как в фильме «Парк Юрского периода», которую я когда-то ему подарил. Иногда он целый день ее не снимал. По вечерам носил черную импортную кепку с буквами NY. Он белый, а ведет себя как негр. Он и сам мне в этом признавался. Одежда на нем всегда болталась, будто на вешалке.

– Девка считай что твоя. Только руку протянуть. Все говорят, что эта дуреха от тебя тащится. Ты слушай, что я тебе говорю. Только помани ее, понятно? И все чин-чином. Не ошибешься – гарантирую. Я даже с Флавиньей поболтал. Она говорит, что ты, мол, у Алисы с языка не сходишь. Так что дело в шляпе.

– Пошел ты на хрен, Мальро.

– Да что такое? Я же помочь тебе хочу.

– Мне твоя помощь на хрен не нужна. Когда я хочу бабу, сам с ней договариваюсь.

– Извини, а не много ты на себя берешь?

– Мальро, потрепались – и хватит. И вообще мне тут обрыдло. Хочу найти клевою телку, не такую, как в нашем квартале.

– Смотри, не прогадай, – сказал на прощание Мальро, забирая со стойки несколько кассет Боба Марли.

Он вышел рассерженный. Я задумался. Все-таки схожу на праздник. Познакомлюсь поближе с Алисиным братом. Ничего особенного на празднике не будет, это как пить дать, но все же лучше, чем дома сидеть. На таких праздниках пьют только кока-колу, а о травке, даже самой легкой, и мечтать нечего. Девки все на одну колодку: и одеваются, и душатся одинаково, а хуже всего – болтают об одном и том же. Так и подмывает взять одну да раздеть догола – так, для понта. А то все они как куклы. Разве их можно уважать? А приходится – иначе ославят меня белой вороной. А белой вороной меня еще никто не обзывал. Это мне совсем ни к чему.

Я-то знаю, что мне нужно.

Я не дурак.

5

Праздник оказался отстойный. Хотелось оттянуться, побазарить – не получилось. Люди, которых я отродясь в глаза не видел, несли всякую белиберду. А что толку болтать, коли неохота? И вот я здесь, посреди шума и гама, гляжу, как все улыбаются, пьют пиво или лимонад, оглушительно чавкают и глубоко затягиваются сигаретами. Я сюда пришел с единственной целью, от которой не отступлюсь.

Алиса рядом, но как будто не обращает на меня внимания. Если приглядеться, она ничего. Поглядим – может, чего и получится. А пока, раз такое дело, я тоже слегка отстранюсь и буду вращаться только среди своих приятелей и лишь издали поглядывать на девчонок, снующих туда-сюда и строящих глазки. Все только и делают, что переглядываются и словно принохиваются друг к другу. Словно собаки во время течки!

Судя по всему, ничего хорошего из этой тусовки не выйдет, так что зря я теряю время. Такие праздники обычно устраивают одноклассники в школе, когда родители и даже учителя держатся стайкой, точно на школьном дворе. Держатся друг дружки и несут такую же чушь, что и весь учебный год. Об одном и том же треплются, как будто пересказывают одну и ту же книжку. Точка зрения у всех одна и та же, вот они и городят черт знает что. Даже в туалете сплетничают. И ржут, будто кобылы. Ну что ж – будем принимать их такими как есть. А что делать?

Из своего угла, болтая с Мальро и с Фернанду по кличке Урод – хотя на самом деле он симпатичный парень, вроде героя фильма «Река Феникс», чьи фотки девчонки наклеивают на школьные тетрадки – я все время стремился встретиться взглядом с Алисой. Казалось, она не такая, как другие девчонки – но вряд ли это так. Мы уже давно переглядывались. Урод, надо заметить – любитель тяжелого рока. Обожает NOFX и Сайко Мико и разбирает все, что они поют. Кроме него, это никому не удастся, потому что для него музыка – это все. У меня впечатление, что Алиса тоже равнодушна к тяжелому року. Мне он тоже нравится, но я предпочитаю Нирвану. Алисин брат Пилдит тоже тусовался с нами и трепался, как Мальро. Думаю, в музыке он ни уха ни рыла не смыслит, только делает вид, что понимает. Он примазался к нам, хоть мы и старше его, и, кажется, нашел общий язык с Бананом, который все помалкивал да поддакивал. Вот в какой компании я оказался. А дальше что?

От моего внимания не ускользнуло, что мальчишки и девчонки с нетерпением ожидали, когда представится случай поцеловаться и потискаться. Разгоряченным кискам не терпелось освободиться от тесных трусиков и, подобно черепашатам, устремиться к неведомому морю. Море – это я. Жду черепашек... Нет, извините. Я – хищник. Проглочу всех этих несмышленных черепашек, когда праздник закончится, и они выйдут за дверь, но еще не успеют затеряться в толпе.

Свет из гостиной проникал в сад. Освещенные цементные скамьи озарялись бликами плещущейся воды из бассейна. Идеальное место, чтобы посидеть и расслабиться, потягивая коктейль. Я рассеянно глядел на воду, навевавшую меланхолию. Будь она теплой – искупался бы вместе с какой-нибудь черепашкой. Из-за августовского тумана воздух становился тяжелым и сырым, а ночное освещение напоминало фильм ужасов: в доме светло, в саду темно. Мне хотелось побродить по саду и покурить в одиночестве, да в доме оставалась Алиса с кучей девчонок. С ними можно было бы оттянуться, но если сидеть сложа руки, ничего не выйдет. Нередко черепашки разбредаются уже за полночь, когда у меня уже не хватает сил за ними угнаться. Надо действовать.

Бегство должно быть незамедлительным, чтобы наше отсутствие оставалось незамеченным как можно дольше. Мы с Мальро покурили травки незаметно для остальных. Пилдит сделал затяжку и чуть с копыт не свалился. Представляю, что бы с ним случилось, кабы

он еще и выпил. Здесь, должно быть, масса девчонок, которым курить не в новинку, но признаться в этом подругам они не решаются. Большинство считает это преступным. Банан сидел без движения; когда он курит травку, балдеет так, что рта раскрыть не в состоянии, поэтому молчит, точно рыба.

Мы вернулись в дом из темного сада. Я задумался. Такой красотки, как Алиса, я сроду не видывал. Все считали ее очаровашкой. Но для меня она малолетка. Мне нравятся девчонки постарше. Однажды я спал с бабой под тридцать. Понравилось, хотя и не очень. И собеседница Алиса никудышная. Все молчит, будто воды в рот набрала. Некоторым, правда, удается с ней поболтать. Как им это удается – не знаю.

На Алисе были черные брюки, плотно облегающие ноги, бедра и попу. Талия занижена, пупок открыт. Маленькие груди из-за топики казались больше. Соски, похожие на два глаза, устремлялись вверх и как будто просили, чтобы я их поцеловал. Охренеть!

Если б я поцеловал Алису в губы, ткнулся бы ей подбородком в груди. Я еще не определил, зеленые у нее глаза или голубые. Казалось, они двухцветные. Лицо ее я прежде видел лишь издали да на черно-белом снимке, где цвет глаз не распознать. Много чего я передумал, глядя на нее, но действовать не решался. Знал, что пора переходить в наступление, да что-то меня удерживало. Не хватало решимости. На этой дурацкой тусовке мне захотелось овладеть Алисой, но мне она казалась чем-то недостижимым, чего я недостоин.

Я принялся рассматривать ее пупок – единственную неровность на гладкой коже ее мерно вздымающегося живота – дышала она спокойно и ровно. Как чудесно смотрелась она против света! Ее живот, казалось, готов превратиться в летающий диск, отделиться от тела и подлететь ко мне, чтобы я покрыл его поцелуями. А себя я возомнил молодым волком. Волчонком. Волки ведь едят черепах? Вокруг пупочка замкнутым кругом поднимается нежная плоть, отбрасывающая легкую тень. Зрелище это напоминало разворот модного журнала, рекламирующий нарядное белье. У манекенщиц-то тоже хорошенькие пупки! Я отвел взгляд. Все заметили, что я пялюсь на Алису, но никто не видел того, что было мне открыто. Наверняка Алиса тоже заметила, что я на нее люблюсь, но виду не подала – принимала как должное.

Пилдит болтал с Мальро о футболе. Оба они болели за одну команду, но не знали, как зовут футболистов. «Ну, этот самый, как его там?» – то и дело срывалось у них с языка. Я перестал пялиться на Алису, чтобы переменить тему – футбол я не люблю. И не любил никогда. Могу сходить на матч, когда играет бразильская сборная – только и всего. Спортom я не занимаюсь. Вернее, раньше занимался. Потом бросил. Больше не хочу.

– Может, хватит, Мальро? И так тоскливо, а ты еще о футболе болтаешь. Больше не о чем поговорить, что ли? Свалю-ка я отсюда! Сколько можно?

– Смотри, какие милашки, – обратился Пилдит к Мальро и ко мне.

– Это точно. Хорошенькие, – отозвался Мальро.

– Вот и потрепались бы с ними. А то все футбол да футбол.

– Да о чем с этими дурехами говорить? – усмехнулся Мальро.

– О чем угодно, только не о футболе. Ну его на хрен.

В этот момент подошли Флавинья и Патрисия. Мальро широко осклабился. Пилдит застыл в ожидании, когда его с ними познакомят. Девчонки были постарше – лет по семнадцать – и явно опытней его. Ясно, что никакого внимания они на него не обратят. Я-то их как облупленных знаю. Сто раз мы уединялись в комнате, которую Мальро отвел для интимных свиданий. А еще мы частенько собирались в одном месте, на острове, что на реке Тьете. Вы потом узнаете, что это за место такое. Эти дадут в любой момент – только позови. Но мне это ни к чему. Мне целка нужна, для новых ощущений. С целкой я никогда дела не имел. Оттого и положил глаз на Алису.

Да, Алиса меня заинтересовала. Я вовсе не был уверен в успехе. По животу у меня прошел холодок. К ней ведь нужен особый подход! Просто так ее не возьмешь. Набравшись храбрости, я подошел к ней.

– Привет, Алиса, – сказал я и поцеловал ее в щечку.

– Привет, Сид.

– Что слышать о Сузи?

– В свадебное путешествие отправилась. Медовый месяц, сам знаешь.

– Скажешь, когда вернется?

– Скажу.

– Ты хорошенькая. Не такая, как все. Я серьезно.

Готово. Крючок заброшен.

Все, наверно, пойдет на лад. Баб на празднике хватало. В последний момент еще две подгрести. Я мог выбрать любую, но не хотел. В их доступности можно было не сомневаться. Впрочем, недоступных женщин нет. И не было никогда. Они могут поломаться в самом начале, но, в конце концов, обязательно уступят. Я это говорю по собственному опыту – ведь восемьдесят процентов присутствующих здесь слишком медлят, и, когда доходит до дела, теряют интерес.

С Алисой поначалу было трудно – должно быть, по моей вине. Я же говорил, что к каждой девчонке нужен особый подход! Она рассказывала какие-то нелепые случаи из школьной жизни и улыбалась, а я принужденно смеялся. Мало-помалу мы удалились от компании, остались один на один, продолжали беседу и при этом страшно робели. Меня распирало вождение, хотелось прижаться к ней, снять с нее что-нибудь, вместо того чтобы попусту трепаться. Неужели такая канитель протянется целый вечер? Нет, только не это!

Она отстранилась, когда я попытался к ней прижаться, и продолжила беседу. Ловко она меня отшила! Действительно, как я могу ее поцеловать, когда она болтает без умолку? А мне-то как этого хотелось! Я сдался и принялся рассказывать разные разности про свою работу. Сам не заметил, как начал! Когда речь зашла о посетителях, я сказал:

– У меня все время берет напрокат фильмы одна пара геев. Они сами киношники и занимаются рекламой. С ними и пообщаться интересно – в кино-то я разбираюсь. Может, я и сам в кино снимусь.

– Серьезно?

– Ну да. Я же говорю, что в кино разбираюсь. Знаешь, кто такой Герцог?

– Нет.

– Очень известный и влиятельный немецкий режиссер. Хорошие у него фильмы. Каждый фильм – это безумный поиск Эльдorado, стремление достичь невозможного, воплотить мечту. Обожаю немецкое кино! От «Альгирре» просто тащусь! Потом я посмотрел «Фицкаральдо». Оба фильма об одном и том же. Героям на месте не сидится. Даже если плывут вниз по реке, все равно кажется, что они движутся против течения. Трудно объяснить. Не знаю, как это сделать. Если хочешь, могу тебе их поставить прямо в пункте проката.

– Странные какие-то названия у фильмов. Что они означают?

– Сам не знаю. Что-то по-немецки.

– Интересно, должно быть. Я ни разу не смотрела ни одного немецкого фильма. Вот французские смотрела. Только скучновато. Я чуть не задремала. Не помню, как они называются. И кто играет, тоже не помню. Ни одного известного актера.

– Посмотришь. Тебе понравится.

– Серьезно?

– Ну, конечно. Серьезно.

Алиса вроде бы попала на мой крючок. Я нарочно завел такой разговор, чтобы показаться умнее, чем есть. Иногда это действует.

– Когда-нибудь я снимусь в кино, но только никому об этом не говорю, даже друзьям. А может, не стоит время терять? Или стоит? Наверно, все-таки стоит.

– Пожалуй, стоит.

– Я тоже так думаю.

Обычно я говорю девчонкам всякие глупости, какие только в голову приходят. Но в разговоре с Алисой я взвешивал каждое слово, и это наполняло меня гордостью. Я сам себя заужал. Нужно ли это все? Сегодня я с одной, завтра с другой. Так было и так будет. Я ведь еще молоденький, у меня нет ни прошлого, а значит, нет и сожалений о прошлом, нет, пожалуй, и будущего, никто меня не уважает. Могу девок снимать, могу бросать – и совесть у меня спокойна.

Но с Алисой – совсем другое.

Алиса – не такая дуреха, как мне поначалу представлялось. А если прежде и была дурехой, то поумнела. Мне ужасно нравились ее груди и пупок, и я уже предвкушал отличный секс. Но она действительно переменялась. И даже не пыталась меня соблазнить, как в прошлый раз. Флавинья, видимо, что-то ей наговорила. Я был близок с Флавинией пару лет назад, когда лет ей было столько, сколько теперь Алисе. Кажется, этих двух лет и не было. Разве что прическа у меня стала другая. Тогда я носил длинные волосы, а теперь подстригся. И бороденка стала пробиваться. Роста я невысокого, а вешу семьдесят пять килограммов.

Некоторых девчонок моя фигура пугает. Не такой уж я, положим, здоровяк. И все-таки они побаиваются, как я навалюсь на них своей тушей. Потом, когда попробуют – им нравится. И с Алисой то же будет. Сто процентов! Я-то знаю, когда можно иметь дело с девчонкой. Нашлось бы только место. Тем более сейчас мы в саду одни – и я, хозяин положения, действую со спокойной уверенностью.

Я прижал Алису к стене возле двери. На этот раз черепашка никуда не денется от подстерегающего ее хищника! Нужно овладеть ею, покуда она не скрылась в море и не попала акуле в пасть. Навалившись на нее всем телом, я продолжал беседу. Наши носы почти соприкасались. Я ощущал ее жаркое дыхание, сладостно щекодавшее мне ноздри. Губы мои неуклонно приближались к ее губам. Я впился в ее не закрывавшийся от разговоров рот, приник к губам и языку и ощутил вкус тепловатой слюны. Она меня не оттолкнула, и я запечатлел на ее губах еще один ненасытный поцелуй.

Частенько мне доводилось целовать девчонок, прежде чем мы успевали поздороваться. Сначала целовались, потом принимались беседовать. Особенно в шумных местах, где приходится кричать друг другу в ухо. А для поцелуев шум – не помеха.

Дальше поцелуев у нас дело не пошло. Алиса не дала. Я провел рукой по ее животику, пупку, попке и ощутил, что в штанах у меня кое-что зашевелилось. Совсем обалдев, я попытался залезть своими бесстыжими пальцами ей в брюки, чтобы ухватить черепашку за лапку – но она не дала. Тогда я попытался забраться ей под кофточку – но тоже получил отпор. Из-за сильного возбуждения мне хотелось кончить ей прямо на ноги. Но я сдержался, потому что мы стояли у самого дома. Честное слово, если бы мы отошли подальше, я выпростал бы член, чтобы она сжала его рукой, а если бы не захотела, то я кончил бы ей на одежду, прокрутив остальное в воображении. Вот сучка!

Не дала она мне.

Высвободившись из объятий, она оттолкнула меня.

Пиво кончилось. Осталась только кока-кола. Меня потянуло покурить. Свои возможности я исчерпал. Надеяться больше не на что – время только попусту терять.

Но все же я попытался!

Мы вернулись в гостиную. Я соорудил довольную физиономию, а она пошла поболтать с подругами. Может, подождать, пока она вернется, и начать все сызнова? Вряд ли. Произошло то, что должно было произойти. Надежды не осталось никакой.

Ко мне, умильно улыбаясь, подбежал Пилдит. Рад, гаденыш, что его сестра мне нравится! Тусовка мне осточертела. Мальро заметил, что я хочу свалить.

– Я сваливаю, – сказал я.

Мальро болтал с какой-то девчонкой и, чтобы избежать однообразия, говорил обо мне. Вместо того чтобы рассказывать о себе, он всячески расхваливал мои достоинства – мол, Сид такой, Сид сякой... О самом себе забывает – вот и уйдет несолоно хлебавши. Если только какая-нибудь телка сама на шею вешаться не станет. Но друг есть друг. Хороший он парень! И я рад, что он меня расхваливает. Все ему дается труднее, чем мне, но он всегда готов бескорыстно помочь. И родители у него такие. Оставив девчонку, он обернулся и спросил:

– Ну что, получилось у тебя?

– Да нет, конечно, – ответил я раздосадовано, но все же немножко довольный собой.

Мы пересекли гостиную и направились к выходу. Мальро даже не простился со своей собеседницей. В этом отношении он точно, как я. Урод, увидев нас, тоже решил слинять. Банан последовал его примеру. Четыре зверя собрались бросить добычу, но без нас и праздник не праздник. Мальро обратился ко мне:

– Я же видел, как ты ее тискал.

– Дальше дело не пошло. Она же целка. И что меня потянуло к ней? Ничего ведь не вышло. И выйти не могло. Мне ведь потрахаться надо! А так – время только зря терять, – отозвался я.

– Все знают, что она ни с кем не трахалась. Поэтому вокруг нее куча парней вьется – каждому охота ей целку сломать. Один ей говорит, что она такая вся из себя необыкновенная, другой еще какую-нибудь лапшу на уши вешает. Она слушает, а как доходит до дела – так от ворот поворот.

Мальро говорил с таким пылом, словно он сам был главным заинтересованным лицом.

– Все. Я в этом не участвую. Серьезно. Пошла она подальше. Надоело.

– Кто ей целку сломает – тот герой! Вся школа за ним табуном бегать будет, – продолжал Мальро.

– Я в школу-то уже не хожу, дурак!

– Все равно – тебя там все знают.

– Да мне-то что?

– Как это – что? Натянешь эту телку – от других отбоя не будет. Дошло?

– Хреново на душе у меня, Мальро. Ни одной бабы я сегодня не заклеил. Ухожу, несолоно хлебавши. Мне бабу надо, ясно? Я трахаться хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.